

Праздничный пир собрал почти всех жителей деревни — и мужчин, и женщин, и стариков, и детей, — немало было тех, кто хорошенько выпил. Люди, живущие на воде, круглый год ходят в море, обитают в лодках, и в самых костях у них поселилась сырость, потому многие из них любят выпить, да и пьют обычно немало.

После такого угощения на следующий день почти все спали как убитые, до самого полудня едва ли несколько лодок вышли в море. А ведь говорили, что сейчас как раз сезон ловли медуз, и все собирались снарядить несколько лодок для выхода в море и заброса сетей. Но на этот раз никому не хотелось шевелиться, да и сетей, посчитали, не хватает — надо бы еще изготовить. Так дело и отложили на потом.

А Чжун Мин получил строгий наказ от своей второй тётки — оставалось только что не поклясться перед изображением Богини Моря, что в этот раз он непременно пойдёт. Лишь тогда тётка с трудом ему поверила.

Так и дошло дело до двух дней спустя.

Под конец часа Инь небо ещё было тёмным, серовато-чёрным, но если поднять голову, можно было увидеть ясный лунный свет. Чжун Мин, привыкший к военному распорядку, проснулся в нужное время — тело само знало, когда открывать глаза.

Рядом младший брат раскинулся во все стороны, спал распластанной морской звёздочкой. Деревянная подушка давно была откинута пинком, а лицо прилипло к циновке — и так было ясно, что, как только он поднимет голову, всё лицо будет в красных полосах.

Чжун Мин не стал будить младшего брата — детям нужно много спать, чтобы расти. Он всегда считал, что рост у него неплохой: даже в северном военном лагере ничем не уступал тамошним высоким мужикам. Возможно, всё это было благодаря матери, которая с детства твердила ту же самую фразу и позволяла ему спать на лодке сколько душа пожелает, хоть день, хоть ночь.

Выйдя из каюты, он присел на носу лодки, зачерпнул немного воды, чтобы умыться, и мельком взглянул в бак — пресной воды оставалось совсем немного. Байшуйао находился далеко от реки, где можно было набрать воды, поэтому питьевую и хозяйственную воду они в основном покупали у специальных лодок-водовозов. Были, правда, и такие, кто не ленился и каждые пару дней сам отправлялся к реке.

Вот как его вторая тётка с дядей — пара бережливых супругов, что и говорить. Каждый раз, когда Чжун Мин тратил пять вэней на воду, они непременно ворчали на него полдня.

Выбросив ивовую веточку, которой чистил зубы, Чжун Мин зачерпнул ладонью ещё воды и умылся — лицо сразу посвежело, разум прояснился. Затем он развёл огонь и поставил на глиняную печку вариться утреннюю кашу из грубого риса. Только тогда с лодки тётки начали доноситься звуки пробуждения.

Спустя некоторое время первым из каюты выбрался дядя Тан Дацянь. Увидев Чжун Мина, сидящего на досках и разбирающего соломенную сеть, он уставился на него во все глаза.

— Ты чего это так рано поднялся? — с недоверием произнёс Тан Дацянь.

Вчера вечером, перед сном, Тан Дацянь ещё говорил жене, что на ловлю медуз надо вставать ни свет ни заря — нужно успеть забить колья до отлива. Мол, этот ленивец Чжун Мин наверняка не проснётся, так что он, Тан Дацянь, встанет пораньше и сам его разбудит.

А теперь вот как обернулось.

— Боялся, что просплю и прозеваю время, — сказал Чжун Мин, — а тут как прижало — проснулся и сразу встал.

Он был сейчас полон энергии. Разгладив соломенную сеть и отложив её в сторону, он обратился к Тан Дацяню:

— Сейчас разбуджу малыша, позавтракаем, и я его отведу. Дядя, когда выходим в море?

Тан Дацянь в отличие Чжун Чунься, больше доверял Чжун Мину. Мужчины к мужчинам всегда снисходительнее. Всё любят говорить: кто в молодости не был таким? А с возрастом, мол, образумится, обзаведётся семьёй — и всё встанет на место.

Он несколько не усомнился в словах Чжун Мина и с довольным видом кивнул:

— Как соберёмся выходить, Ху-цзы придёт звать. А ты и вправду рано поднялся — ещё с полчаса, и пора.

Ху-цзы, полным именем Чжун Ху, был старшим сыном третьего дяди Чжун Мина. Отец Чжун Мина был старшим из пяти братьев и сестёр, но ушёл из жизни рано. После него шли вторая тётя, третий и четвёртый дяди, а ещё был пятый дядя, гер, выданный замуж в другую деревню.

Теперь главой всей этой разветвлённой семьи считался третий дядя Чжун — от его слова зависело всё. Муж второй тётки, Тан Дацянь, не был коренным жителем Байшуйао: в деревне у него осталась лишь старая мать, других родных не имел, поэтому каждый раз, выходя в море, он присоединялся к семье Чжун.

Таков и обычай людей, живущих на воде — в море не ходят поодиночке, непременно объединяются в “гупэн” — морское товарищество. В пределах одной “гу” обычно собираются родственники — одной крови, с общими корнями. Всё делят поровну — как успех, так и беду — только так и можно доверять друг другу.

Видя, что времени ещё достаточно, Чжун Мин зевнул и продолжил варить кашу. Языки пламени в печке были единственным источником света вокруг. Когда вода в котелке закипела, он наощупь нашёл несколько сушёных кальмаров и моллюсков и бросил их туда.

Сегодня предстоял тяжёлый день в море, одной кашей не насытишься. Чжун Мин перетряхнул запасы и достал пару вяленых рыб, замочил их в воде, а вместе с привезёнными вчера от тёти рисовыми пирожками приготовил на пару. Когда прошло две четверти часа после начала часа Мао, предутренняя мгла начала рассеиваться, и с разбросанных по воде лодок семьи Лянь стали подниматься редкие струйки дыма.

Выйти сегодня в море на ловлю медуз собирались не только Чжуны. Всё же ловля медуз — одно из немногих доступных водным людям ремесел для заработка с наступлением осени. После осени уловы в море уже невелики, и из всего, что можно выловить в большом количестве, засолить впрок и обменять на серебро, остаются только медузы и кальмары.

Только вот оба этих промысла требовали немалых усилий и выносливости. На ловлю медуз нужно вставать с зарёй, чтобы успеть к отливу; а на кальмара ходят затемно — эти твари идут на свет, и их приманивают факелами.

Раньше Чжун Мин терпеть не мог этим заниматься — именно по этой причине. Теперь всё иначе. Он хотел, чтобы каждая монета, каждый грош в его кармане были заработаны честным трудом. Больше он не смел надеяться на удачу или на то, что с неба вдруг свалится готовый пирог.

— Брат, ты так рано встал... который час? —

На соседних лодках народ уже проснулся, шуму было немало, и Чжун Хань, разбуженный вознёй, вылез наружу, всё ещё сонный, потирая глаза, и стал искать Чжун Мина.

— Сейчас час Мао, ты как раз вовремя. Завтрак уже готов, поешь — и я отведу тебя на лодку ко второй тёте. Сегодня старший брат выходит в море.

Чжун Мин приподнял крышку с керамического котелка, где варилась каша — сразу хлынул пар, обдавая лицо жаром. Чтобы остыла, он не стал возвращать крышку, а достал большую раковину — вместо тарелки, положил туда пару полосок солёной рыбы, а в другую, поменьше, положил рисовые пирожки.

Чжун Хань, как котёнок, сначала провёл рукой по лицу, потом вытерся тряпочкой. От холодной воды и вправду немного проснулся.

— Брат, ты надолго? Вернёшься только вечером?

Он спросил так неслучайно — раньше Чжун Мин крайне редко выходил в море.

— Туда-обратно придётся бегать несколько раз, но до вечера управимся, — ответил Чжун Мин.

Медузы, как только оказываются вне воды, начинают быстро растворяться, поэтому их ловят партиями: как только набирается полная лодка — сразу возвращаются и передают улов тем, кто остался на берегу или в лодках, чтобы те занялись переработкой.

Он взял тазик, стоявший перед младшим братом, и с лёгким всплеском вылил воду за борт, а потом подтолкнул его в каюту:

— Помоги мне свернуть циновку, чтобы можно было поставить стол и поесть.

У водных людей всё — еда, сон, и даже нужда — происходило прямо на лодке, а в каюте пространства было совсем немного. Во время еды это — столовая, на ночь — спальня, а если вещей становилось много, приходилось выделять часть под кладовку. Если в семье было много детей, ночью им приходилось укладываться вплотную, в один ряд, поперёк, с поджатыми ногами и согнутыми спинами. Поэтому сухопутные часто презрительно называли водных “кривоногими”.

Нос и корма служили местом для хранения рыбацких снастей, а также использовались, чтобы зачерпывать воду или держать живую рыбу. Под мачтой помещался небольшой алтарь с курильницей, где стояла статуэтка Морской Богини.

Чжун Хань был ещё мал и слаб, не всё мог сделать, но свёртывание циновки у него получалось ловко. Он быстро сдвинул соломенную подстилку в сторону и с усердием потащил низенький стол.

Каша из грубого риса разварилась до мягкости, зёрна раскрылись, а благодаря добавленным сушёным морепродуктам в приправе не было нужды — вкус получался с лёгкой, естественной солоноватостью. Сушёные кальмары и моллюски, напитавшись водой, расправились, стали упругими и сочными, на вкус даже превосходили свежие.

Когда-то Чжун Мину такие блюда приелись до тошноты, а теперь ел с большим аппетитом, с удовольствием.

Поев, он, как и обещал, отвёл младшего брата на соседнюю лодку. Обе дочери семьи Тан уже были на ногах и одеты, достали расчёски и ленты для волос, чтобы помочь Чжун Ханю заплести косичку.

— Это вам с собой еда, — сказал Чжун Мин, передавая корзину, — если проголодаетесь, берите по кусочку перекусить. А ещё вода — два больших кувшина, тащите каждый по одному.

Он заглянул в бамбуковую корзину: внутри были пирожки из грубого риса, сушёные креветки и кальмары.

Пока они обменивались словами, появился Чжун Ху. Увидев, что Чжун Мин уже в полном снаряжении, явно настроен всерьёз выходить в море, он выглядел весьма удивлённым.

— Брат А-Мин, ты и вправду сегодня идёшь в море?

— Я до рассвета на ногах, как ты думаешь — шутки, что ли? — чтобы перемена в его поведении не выглядела слишком неожиданной, Чжун Мин прикинулся равнодушным, будто ничего особенного не происходит.

— Ладно, хватит трепаться, — вмешался кто-то, — прилив не станет ждать.

Слово Тан Дацяна подействовало сразу — двое младших замолкли и без лишних разговоров схватили воду с едой и поспешили догонять остальных.

Семья Тан жила неплохо: кроме жилой лодки, у них была ещё и отдельная рыболовная, так что они прямо на ней и отправились. А такие, как Чжун Мин и другие парни из семей, не имеющих собственных лодок, просто шли в помощь — помогали на борту, а потом получали свою долю серебра.

Чжун Ху шёл по дощатому настилу, а потом вместе с Чжун Мином поднялся на лодку семьи Тан. Пока Тан Дацян был занят вёслами, Чжун Ху подсел к Чжун Мину и, понизив голос, спросил:

— Брат, говорят, ты сватовство задумал, жениться собрался?

Чжун Мин вскинул бровь. Ну, это точно разболтал Го-гер — его язык ни на миг не замирает.

— Примерно так. Возраст уже подходящий, — уклончиво ответил он.

Но Чжун Ху, на удивление, проявлял к этой теме живой интерес:

— А ты уж кого-нибудь приметил?

Чжун Мин невольно посмотрел на него. Раньше этот двоюродный брат казался ему не слишком уж болтливым. Напротив — имя Ху (тигр) ему вполне подходило: прямолинейный, с простоватым, но открытым нравом.

Что это сегодня с ним?

— Ты что на самом деле хочешь сказать? — спросил Чжун Мин.

И тут Чжун Ху вдруг глуповато, но добродушно улыбнулся.

— Брат, я вот с тобой одним делом хочу посоветоваться: ты кого угодно можешь себе присмотреть, только не смотри на Сян-цзе из семьи У, ладно?

И, как настоящий простак, тут же добавил:

— Все в деревне, и девушки, и геры, говорят, ты такой пригожий. Если ты тоже начнёшь за ней ухаживать, у меня ведь и шансов не останется. А я вот по-настоящему её запал!

Чжун Мин: ...

Похоже, память его не подвела — у Чжун Ху и впрямь с головой не всё в порядке, дурачок с особым шармом.

— Я вообще не знаю никакой там Сян-цзе из семьи У. С чего бы мне с тобой кого-то делить?

Он несколько раз хотел что-то сказать, да всё не решался, но в итоге просто отмахнулся:

— Можешь своё сердце обратно в грудь положить, нечего волноваться.

И Чжун Ху тут же повёлся — заулыбался во весь рот:

— Спасибо, брат!

Чжун Мин с досады отпихнул его в сторону:

— Отсядь, жарко от тебя.

На самом деле, он хотел бы и посоветовать ему кое-что: не стоит раньше времени трезвонить всем подряд, что он влюблён в ту самую У Сян. Говорить такое при каждом случае — это как будто ставить девушку на пьедестал. А вдруг она ему откажет? Тогда и пересуды начнутся, и ей, может, будет неловко.

Но, глядя на то, как устроена голова у этого двоюродного брата, Чжун Мин понял — вряд ли туда влезет столько сложностей. А сам он ему не отец, чтоб всё разжёвывать. Пусть идёт, как идёт

Когда несколько лодок собрались вместе, небо уже окончательно посветлело. И не только Чжун Ху — все присутствующие были удивлены появлением Чжун Мина. Тот заранее приготовил объяснение и с невозмутимым видом выдал:

— Несколько лет бездельничал, теперь пора бы и взяться за ум, накопить денег на свадьбу. Вот и решил, не стесняясь, напроситься с вами.

Эти слова сразу вызвали одобрение у старших.

— Я ведь сразу говорил — как же у моего старшего брата может быть такой непутёвый сын! — воскликнул третий дядя и, запрыгнув на его лодку, с оглушительным звуком похлопал его по спине.

— Я же давно твержу: с твоим природным чутьём к воде — тебе грех не выходить в море! Что в деревне хорошего? Одни людишки с глазами, как у псов, глядят свысока. Ты теперь туда поменьше суйся, лучше чаще с нами выходи, набирайся опыта. А на новую лодку накопить — дело времени!

Чжун Мин поспешно соглашался со всем, что тот говорил, а про себя невольно вздохнул: у этого дяди и вправду сила в руках — не зря именно его поставили старшим на забивке кольев для ловли медуз. Для такой ловли нет нужды уходить далеко в море, но и место для остановки лодки выбирать надо с умом. Сегодня море радовало погодой: тихо, без ветра. Рыбацкие лодки из разных семей, едва отплыв от берега, начали без слов расходиться по разным направлениям, каждая — к своему, заранее присмотренному месту.

Одно и то же место не выдержит десятка лодок, одновременно ловящих медуз — улов будет ничтожным. К тому же, когда лодки расположены подальше друг от друга, это снижает риск ссор и споров.

— Остановимся здесь, бросайте якоря, — раздался голос не от третьего дяди, а от одного из старших рода — их дальнего дяди, которого в поколении Чжун Мина звали Шестым Дядей-гун*.

(ПП: гун - справедливый)

Ему было за пятьдесят, он давно уже стал дедом, провёл на море большую часть жизни и слыл человеком надёжным, как якорь — поистине морским ветераном. Среди водных людей мало кто доживает до старости — многие погибают в море, поэтому каждый прожитый год ценится особенно, и чем старше человек, тем больше уважения он заслуживает в родне.

Пятьдесят лет — в деревне Байшуйао это уже считалось долголетием.

Услышав распоряжение, люди с нескольких лодок тут же начали действовать. Чжун Мин тоже тут же наклонился, обеими руками схватил тяжёлый якорь, замахнулся и с силой метнул его в воду.